

З. К. ТАРЛАНОВ

Об одном способе объективизации повествования в «Слове о полку Игореве»

В одной из своих статей, посвященных «Слову о полку Игореве», Д. С. Лихачев восхищенно замечает: «Поразительно, что столь небольшое произведение так богато и даже роскошно по языку».¹ И это действительно так. Лучшее подтверждение тому — богатейшая история его научного, в том числе и лингвистического, изучения,² полная тонких наблюдений и блестящих догадок, с развитием и обогащением которой непрерывно возрастал ставший уже общенародным интерес к этому величайшему памятнику древнерусской культуры.

Настоящие заметки не выходят за рамки сугубо лингвистических наблюдений, ограниченных к тому же областью синтаксиса. Дело в том, что, характеризуя и комментируя язык «Слова о полку Игореве», почти исключительно обращаются к его лексике и фразеологии, к выявлению количества и состава иноязычных вкраплений в нем, к народнопоэтическим экскурсам и т. д. Обычно почти выпадает из поля зрения исследователей синтаксис памятника, типология и функции в нем различных синтаксических структур, хотя именно этот аспект анализа по праву претендует на заметную роль при лингвистическом «документировании», обосновании стилистики текста как единого целого.

Стилистическая цельность текста, его внутреннее единство и гармоничность неизменно связаны с разнообразием и согласованностью между собой тех синтаксических схем, на базе которых создаются конкретные поэтические (художественные) фразы. Следовательно, богатство синтаксической стилистики не сводится к арифметической, чисто количественной разветвленности способов фразообразования, хотя это и является необходимым составляющим стилистики текста вообще. Оно обязательно предполагает соразмерность этих способов, естественность их сочетаемости друг с другом, функциональную целесообразность и полновесность их с точки зрения художественного произведения как законченного поэтического создания, а также соотнесенности с реализованными конструкциями иного строя.

В качестве объекта для наблюдений избран тот тип предложений, который в специальной лингвистической литературе квалифицируется как инфинитивный. Оставляя в стороне собственно теоретические вопросы, относящиеся к определению сущности и границ его (они в данном случае не вписываются в рамки непосредственно поставленных задач), условимся только называть инфинитивными такие предложения, единственный главный член которых выражен независимым инфинитивом в роли сказуемого

¹ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича // Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967. С. 27. (Б-ка поэта; Большая сер.).

² См., например, известные библиографические указатели, составленные В. П. Адриановой-Перетц, Л. А. Дмитриевым, Н. В. Дробленковой.

(такова одна из наиболее убедительных традиций русского синтаксиса ³). Такие предложения встречаются и в тексте «Слова о полку Игореве».

Если говорить об удельном весе инфинитивных конструкций относительно остальных типов предложений в «Слове», то он невелик: к ним автор памятника прибегает всего десять раз.⁴ И сам отрезок текста, составленный с их помощью, также незначителен. Вот эти конструкции в их полном объеме: *Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!* (1); *Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломахъ Половецкыхъ, на рѣцѣхъ на Каялъ, у Дону Великаго* (2); *А Игорева храбраго плѣку не крѣсити* (3); *Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!* (4); *А Игорева храбраго плѣку не крѣсити* (5); *Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божия не минути!* (6); *О, стонати Руской земли, помянувши прѣвую годину и прѣвыхъ князей!* (7); *... князю Игорю не быти!* (8); *Пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти!* (9). Одна из перечисленных конструкций дословно повторяется дважды — это рефреном звучащее *А Игорева храбраго плѣку не крѣсити!*

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что рассматриваемые конструкции следуют не компактно, а раскиданы по всему тексту. Однако отсюда не следует, что их употребление беспорядочно и лишено художественно-повествовательной мотивировки. Как раз наоборот: анализ того, в каких местах текста они встречаются, уже дает основание утверждать, что автор «Слова» проявляет себя как блестящий мастер построения художественного произведения, виртуозно владеющий разнообразием синтаксических структур языка своего времени с присущими им выразительно-изобразительными потенциями.

По типу инфинитивного предложения конструируется уже вторая от начала фраза произведения — *Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!* В дальнейшем подобные конструкции отмечаются при описании грозных предзнаменований — это знаменитое *Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго*, конкретизируемое непосредственно следующей фразой: *Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломахъ Половецкыхъ,*

³ См.: Тарланов З. К. Об основных проблемах изучения инфинитивных предложений в русском языке // Уч. зап. Карел. пед. ин-та. Петрозаводск, 1964. Т. 16.

⁴ На эти конструкции в общем плане, в связи с решением других задач, уже обращалось внимание, причем в разных исследованиях отмечалось разное их количество. Так, С. П. Обнорский считал, что в «Слове» инфинитивный тип предложения употребляется в 13 случаях, но приводил только 8 примеров (*Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 175*); согласно В. И. Стеллецкому, посвятившему специальную работу толкованию одной из инфинитивных конструкций в памятнике, их всего девять (С т е л л е ц к и й В. И. К изучению текста «Слова о полку Игореве» // ИОЛЯ. 1955. Т. 14, вып. 2. С. 154); А. Н. Котляренко дополняет перечень С. П. Обнорского еще тремя примерами, тем самым доведя общее число рассматриваемых конструкций до двенадцати, но никак не комментирует суммарное количество, названное С. П. Обнорским (К о т л я р е н к о А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 155). Эти разночтения, однако, не имеют принципиального значения и объясняются следующими моментами: 1) неодинаковым пониманием самого типа инфинитивного предложения (так, в предлагаемой статье конструкция *Пѣти было пѣснь Игореву* не включена в число инфинитивных, поскольку квалифицируется как безличное предложение); 2) неодинаковым пониманием границ между простым инфинитивным предложением с однородными главными членами и сложным предложением, состоящим из нескольких инфинитивных. Так как нас интересуют художественные функции инфинитивных предложений, то важными оказываются не столько сугубо синтаксические границы и характеристики их, сколько место и периодичность употребления в тексте как художественном целом. А таких мест в памятнике всего девять.

на рѣцѣхъ на Каялѣ, у Дону Великаго, играющей в конструктивном отношении подчиненную роль; при описании поражения Игоря, в плаче русских жен о своих ладах, в «златом слове» Святослава, в печальной песне о княжеских раздорах, при описании бегства Игоря из плена и в заключительной части, где поется слава участникам похода: *Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти!* Таким образом, части, фрагменты текста, в которых автор «Слова» прибегает к инфинитивным предложениям, выстраиваются в ряд следующим образом: 1) зачин, 2) грозные предзнаменования, 3) поражение Игоря, 4) «плач» русских жен, 5) «Золотое слово» Святослава, 6) печальная песнь о княжеских раздорах, 7) бегство Игоря, 8) концовка.

По своей семантической направленности все отмеченные предложения объединяются в две группы: а) предложения, реализующие общее модально-синтаксическое значение объективной неизбежности, неотвратимости действия (таковы конструкции 1, 2, 7, 9, приведенные в предложенном выше обзоре); б) предложения, реализующие общее модально-синтаксическое значение невозможности действия (это конструкции 3, 4, 5, 6 и 8 в обзоре).⁵ Это, так сказать, некоторые сугубо лингвистические констатации, отрешенные или почти отрешенные от художественно-стилистических оценок и квалификаций. Вопрос заключается в том, лишены ли интересующие нас конструкции художественно-эстетической нагрузки. Если нет, — то каковы их конкретные содержательные и текстообразующие функции.

Несмотря на очевидную количественную ограниченность инфинитивных предложений в составе всех конструкций, из которых складывается текст «Слова о полку Игореве», их стилистическая и художественно-эстетическая релевантность не подлежит сомнению. Это подтверждается уже тем обстоятельством, что они пронизывают все произведение от начала до конца, распределяясь по композиционно существенным его частям. Тем самым модель инфинитивного предложения, ее смысло-выразительные и модально-синтаксические потенции оказываются включенными в композиционную структуру целого. В этом отношении рассматриваемые конструкции занимают особое положение в богатом и эмоционально-пульсирующем тексте «Слова»: они лишены возможности вариативных синтаксических замен в силу именно их структурной специфики. Примечательно, что этот факт отчетливо осознавался и почти всеми известными переводчиками памятника, стремившимися сохранить инфинитивные предложения, в собственно синтаксическом плане характеризующиеся краткостью, особой энергичностью, способностью в широком диапазоне представлять разнообразные модальные отношения, наделенные в «Слове» важными художественно-эстетическими функциями.

Главнейшая среди них — это объективирующе-эпическая функция: с помощью инфинитивных предложений, встроенных в текст, мощная лирическая стихия, столь отчетливо выраженная в памятнике, в котором автор, по словам И. П. Еремина, «действительно заполняет собою все произведение от начала до конца»,⁶ переводится в план объективированного, эпического повествования; личные, субъективно-авторские чувства сублимируются до уровня общенародного, общенационального масштаба и, следовательно, возводятся в ранг средств выражения исторического сознания. Таким образом, инфинитивные предложения служат в поэме целям обобщения, тем самым — объективирования повествования и придания ему эпической масштабности. Такое предположение вполне согласуется с текстом памятника, к которому и обратимся ниже.

⁵ См. также: Стеллецкий В. И. К изучению памятника. . . С. 154.

⁶ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 111. См. также: Лихачев Д. С. Слово о походе. . . С. 15—16.

После первой же фразы, в которой автор в риторической форме выражает свои колебания по поводу того, как должно быть построено повествование о полку Игоре, следует инфинитивная конструкция, как бы наделенная силой, безусловно разрешающей сомнения: *Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню*. В инфинитивной конструкции устраняется, элиминируется, снимается все, что имеет налет личностности, субъективности и вместе с тем неопределенности. Она представляет план неотвратимого, predetermined и тем самым — возвышающегося над субъективно-индивидуальным, благодаря чему повествованию с самого начала придается историческая масштабность. Употребление близкой по семантике синонимичной безличной конструкции, которая включала бы в себя, например, безличные глагольные формы или так называемые слова категории состояния, если бы это имело место (а древнерусский синтаксис позволял и такое построение фразы), подчеркивало бы лишь авторскую волю в выборе манеры повествования, и это, безусловно, подорвало бы в известной мере обобщающе-исторический размах гениального создателя «Слова», вдохновленного идеей единения древнерусских земель, сознательно защищаемой им как историческая необходимость.

Та же конструкция при описании грозных предзнаменований служит для обрисовки накала, напряжения предстоящего сражения войска Игоря Святославича с половцами, опять-таки представляемого как объективная неизбежность, не знающая пощады: *Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломахъ Половецкыхъ, на рѣцѣхъ на Каялѣ, у Дону Великаго!*

Всегоцело поглощенный идеей объединения военных усилий древнерусских княжеств, автор «Слова» рассматривает поражение Игоря как горький и поучительный эпизод истории и поэтому в художественной структуре произведения наделяет его функцией рефрена, призванного еще яснее оттенить его главный смысл. Рефрен этот тоже облечен в форму инфинитивного предложения: *А Игорева храбраго плѣку не крѣсити*. По общему смыслу и эмоциональному напряжению сюда же примыкают еще два эпизода, в которых центральное место отводится тем же инфинитивным предложениям, — это плач русских жен, выраженный в виде прямой речи: *Уже намъ своихъ милыхъ ладѣхъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!* и идущее от автора обращение к героине прошлого Древней Руси — *О, стонати Руской земли, помянувши прѣвую годину и прѣвыхъ князей!*

Весьма примечательно и синтаксическое оформление концовки поэмы, полное веры в силу русского оружия. Подчеркивая оптимистическую направленность поэмы, Д. С. Лихачев отмечает: «... хотя автор и пишет о поражении, в „Слове“ нет и тени уныния. „Слово“ так же лаконично и немногословно, как обращения Игоря к своей дружине. Это зов перед боем. Вся поэма как бы обращена к будущему, пронизана заботой об этом будущем. Поэма о победе была бы поэмой торжества и радости. Победа — это конец сражения, поражение же для автора „Слова“ — это только начало битвы. Битва со степным врагом еще не кончилась. Поражение должно объединить русских. Не к пиру торжества зовет автор „Слова“, а к пиру-битве».⁷ Справедливость этой мысли Д. С. Лихачева убедительно подтверждается и синтаксической организацией финала поэмы: *... пѣвшие пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти*.

Приписываемый Бояню афоризм (*Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божия не минуть!*) также облачается в форму инфинитивного

⁷ Лихачев Д. С. Слово о походе... С. 16—17.

предложения, чем в духе народной афористики достигается эффект обобщения и объективирования. Несмотря на конкретную направленность на адресата, по своим народным истокам сюда же примыкает последняя инфинитивная конструкция, оформляющая концовку фразы Овлура, переданной от автора, и обращенная к князю Игорю: *Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою — велить князю разумѣти: князю Игорю не быть!*

Из сказанного следует, что гениальный автор «Слова», стремясь выразить злободневную и актуальнейшую для своего времени идею, глубоко понимал и тонко чувствовал исключительную роль языковых средств ее реализации, важность стиля и манеры повествования для того, чтобы сделать смысл его не только доступным и убедительным, но и достойным с точки зрения оформления. В частности, рассмотренные выше инфинитивные конструкции, выдвинутые волею автора на доминирующую позицию в структуре текста, наделены, как уже говорилось, функцией объективирования повествования и придания ему эпичности: лирическое начало, которым столь щедро начинена поэма, в художественном целом благодаря синтаксической организации преобразуется, переплавляется в факт обобщенно-исторического, национального уровня.

Небезынтересно и то, что эти конструкции в силу именно их особого положения в синтаксисе текста интуитивно либо сознательно сохраняются полностью или почти полностью во всех известных переводах оригинала. Однако некоторые переводчики в этом отношении отклоняются от синтаксиса оригинала, и от этого, на наш взгляд, несколько проигрывают точность и объем содержания памятника. Например, фраза *Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!* передается в следующих лексико-синтаксических вариантах: *Начнем же оную по течению деяний того времени, а не вымыслу Боянову* (неизвестный автор XVIII в.); *Начать же Песнь сию по событиям сего времени, а не по вымыслам Бояновым* (В. В. Капнист); *Песнь же ту нам начать по событиям дней настоящих, Но не по замыслам вещим Бояна. . .* (М. Д. Деларю); *По былинам лет тех бывших, не по замыслу Бояна, Эту песнь зачнем мы, братья* (К. Д. Бальмонт); *Мы начнем (эту песнь. — З. Т.) по событиям Геперешних лет, А не вслед замышленьям Бояна. . .* (С. В. Шервинский); *Но вести эту песню надо по былинам нашего времени — не по замышленью Боянову* (С. В. Ботвинник),⁸ и др. При всем том, что подобные конструкции по содержанию близки к оригиналу, они существенно отличаются от последнего своей ярко выраженной субъективностью, личностностью, что ведет к подрыву заложенного в оригинале эпического, объективированного начала. Поскольку древнерусский язык периода создания «Слова о полку Игореве» и современный русский язык изоморфны в плане употребления и функционирования инфинитивных предложений, то нет смысла, как представляется, прибегать в переводах к замене их синонимичными конструкциями, ибо такая замена обедняет язык памятника. Среди многих других сложных задач, решаемых в теории и практике перевода, не последнее место должно отводиться, таким образом, и тому аспекту, который связан с наиболее адекватной передачей синтаксического строя текста оригинала с возможно полным сохранением доминирующих конструкций во всем богатстве выполняемых ими функций.

⁸ Примеры переводов взяты из книги: Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967. (Б-ка поэта; Большая сер.).